

ЭО, 2011 г., № 5

© О.Н. Меренкова

“БРИТАНСКИЕ БАНГЛАДЕШЦЫ” В ПОИСКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: этничность, идентификация, бенгальцы, бангладешцы, Бангладеш, иммиграция, межэтнические отношения, Великобритания

Еще до образования независимого государства Бангладеш в 1971 г., его жители идентифицировали себя либо как “мусульмане, живущие в Бенгалии”, либо как “бенгальцы, исповедующие ислам”. В 1940-х гг. акцентирование на религиозном факторе идентичности объединило восточных бенгальцев с остальными мусульманами Индии и привело к образованию независимого государства Пакистан. В 1971 г. национальный фактор бенгальской идентичности сыграл решающую роль в выделении из состава Пакистана независимого государства Бангладеш. В данной работе на примере общины бангладешцев, проживающих в Великобритании, проводится исследование того, как менялось понимание бенгальцами, а позднее и бангладешцами, своей этничности на протяжении различных исторических периодов.

Проблема этничности, или этнической идентификации, стала особенно актуальна по причине интенсивных социальных и политических изменений. В современном мире наблюдаются две тенденции в формировании человеческих сообществ. С одной стороны, происходит интенсификация международных хозяйственных и культурных связей, создание глобальной коммуникационной и транспортной структуры (“глобализация”). Люди, оказавшиеся вдали от исторической родины и родственников, сохранили с ними многочисленные виртуальные связи. С другой стороны, возвращается интерес к малой родине, этнической самобытности, тому, что выделяет культурно близких людей. В эту тенденцию вписываются попытки возрождения и консервации европейских народностей, создание сильных общин эмигрантов (*Соболева, Эпштейн 2004: 246*).

В результате глобализации людям и товарам становится легче перемещаться между странами, и в это же самое время усиливаются процессы диверсификации. Эти процессы все чаще привлекают внимание отечественных и западных исследователей. Особое внимание уделяется феномену межэтнических отношений и взаимодействий между этническими общностями. Акценты ставятся на раскрытии закономерностей и особенностей процессов взаимодействия этносов, психологии конфликтов, соперничества, сотрудничества, межэтнической коммуникации, процессов аккумуляции и адаптации (*Афонасенко 2007: 5*).

Кроме того, в настоящее время на первый план в научной среде выходят исследования, посвященные формированию, развитию и функционированию этнической самосознания в условиях инокультурной среды.

Наряду с термином “этничность” (“ethnicity”) в западных работах широко используется и понятие “идентификация” (“identification”).

Проблема идентификации, или самоидентификации, в последнее время особо актуальна в научно-исследовательской среде. В период важных социальных и политических изменений наблюдается повышенное внимание к изучению различных проявлений идентификации: по национальному, конфессиональному, региональному, местному и прочим признакам (*Macdonald 1993: 1*).

Повышенный интерес у исследователей феномена этничности вызывает возможность смещения акцентов самоидентичности. И здесь в качестве примера можно привести общину бангладешцев в Великобритании.

Понимание бенгальцами своей этничности менялось в различные исторические периоды. В зависимости от этого менялся политический курс, проводимый бенгальскими лидерами, что в конечном итоге привело к выделению Восточной Бенгалии в начале из состава Индии, а затем и Пакистана, и образованию независимого государства Бангладеш.

Необходимо проследить некоторые аспекты истории Восточной Бенгалии (с 1971 г. – Бангладеш), чтобы лучше представлять, как именно формировалось отношение бангладешцев к собственной идентификации и как в дальнейшем они, приехав в Великобританию, смогли идентифицировать себя в инокультурной среде.

В отличие от населения Западной Бенгалии, где большинство составляют индусы, жители Бангладеш (бывшей Восточной Бенгалии) преимущественно исповедуют ислам.

Впервые ислам появился на территории Бенгалии в XIII в. – вместе с армиями мусульманских завоевателей. Однако это не означает, что население Бенгалии, особенно ее восточных областей, насильственно обращалось в ислам. Еще до прихода ислама суровые ограничения кастовой системы и социальная организация, характерные для всего индусского населения, в Бенгалии несколько смягчались благодаря влиянию буддизма.

К XIX в. Западная и Восточная Бенгалия оказались в оппозиции друг другу по конфессиональному признаку. На западе преобладали индусы, на востоке – мусульмане. В переписи 1872 г., проведенной среди населения всей Бенгалии (включавшей в себя современное государство Бангладеш, а также индийские провинции Западная Бенгалия и Ассам), выявилось, что ислам в этом регионе стал преобладающей конфессией.

В начале XX в. англичане сделали попытку административно разделить Бенгалию на Западную и Восточную для более удобного управления в рамках колониальной стратегии “разделяй и властвуй”. Мусульманские лидеры во многом приветствовали этот раздел, поскольку он открывал новые экономические возможности и создавал рабочие места. Индусы категорически не желали раздела и рассматривали его как попытку ущемления национального достоинства бенгальцев. Они призывали народ вспомнить о едином культурном наследии, о региональной независимости, а также о единстве бенгальской нации.

Территории, населенные бенгальцами, вскоре по требованию общественности были вновь объединены. Однако разделение общества на “индусов” и “мусульман” становилось все заметнее.

В начале XX в. бенгальские мусульмане составляли приблизительно половину всех жителей Бенгалии и были самой многочисленной этнической группой среди индийских мусульман. Бенгальские мусульмане лидировали в среде мусульманских сепаратистов, призывавших всех мусульман индийского субконтинента к объединению для обретения собственной независимой территории.

Ставя себя в один ряд с мусульманами севера и северо-запада, мусульмане Бенгалии предпочли временно игнорировать этнические, в том числе расовые, культурные и языковые, различия с ними. Для реализации мечты о “южноазиатской мусульманской родине” и ради своих экономических и политических интересов они предпочли идентифицировать себя с мусульманами-небенгальцами. В случае отделения Восточной Бенгалии от Западной перед бенгальскими мусульманами открывались возможности реализовать себя в политической, экономической и социальной сферах.

В данном случае религия оказалась “той маской, скрывающей значительные культурные различия, которые отличали мусульман Бенгалии от остальных мусульман Южной Азии” (*Madan* 1998: 974).

В этом политическом ходе, как оказалось в дальнейшем, была заложена реальная возможность выделения мусульман Восточной Бенгалии в качестве отдельной этнической группы и будущего распада Пакистана.

В 1947 г. жители Восточной Бенгалии идентифицировали себя как “мусульмане, живущие в Бенгалии”, и благодаря этому вошли в состав государства Пакистан как часть страны под названием “Восточный Пакистан”.

После образования независимого государства Пакистан мусульмане Бенгалии снова сменили свой главный идентификационный признак.

На смену общей религии пришло национальное самосознание и ощущение себя в большей степени бенгальцами, нежели мусульманами. Однако это совсем не означает, что религиозный фактор был забыт, просто его значимость оказалась временно завуалирована.

Вскоре после того как в 1947 г.¹ образовалось независимое государство Пакистан, в Восточной Бенгалии, называвшейся в то время Восточным Пакистаном, стало нарастать недовольство, вызванное относительно более низким статусом Восточного Пакистана по сравнению с Западным Пакистаном.

После обретения независимости Западный Пакистан стал доминирующей частью страны, как в политическом, так и в экономическом аспекте, несмотря на то что восточное крыло поставляло огромное количество ресурсов.

Следующим важным фактором, позднее спровоцировавшим раздел страны, стало решение западнопакистанской администрации в 1948 г. придать языку урду статус единственного государственного языка. Только в 1954 г. жителям Восточной Бенгалии удалось провести закон о признании бенгальского языка вторым государственным языком Пакистана наравне с урду.

Движение в поддержку бенгальского языка было признано западнопакистанскими лидерами проявлением крайнего национализма и угрозой общегосударственным интересам.

Взаимоотношения между политическими силами Западного и Восточного Пакистана, весьма противоречивые изначально, так и не смогли улучшиться. Ситуацию также обострили и взаимные упреки политиков, стремившихся преуменьшить заслуги оппонентов в деятельности на благо страны.

К концу 1960-х гг. язык и национальность стали значить для восточных бенгальцев больше, чем религия. Если раньше они идентифицировали себя как “мусульмане, живущие в Бенгалии”, то теперь – как “бенгальцы, исповедующие ислам”. Благодаря смене акцентов самоидентификации восточнобенгальским мусульманам удалось одержать победу на всеобщих выборах в Пакистане в декабре 1970 г., получив абсолютное большинство мандатов на территории своей провинции. Однако центральная администрация Пакистана не признала результаты выборов и отдала приказ об аресте лидера восточнобенгальских политических сил Муджибура Рахмана.

Военно-административная верхушка, представлявшая интересы Западного Пакистана, не могла допустить прихода к власти представителя восточнопакистанской политической администрации. Была предложена идея о назначении двух премьер-министров, от Западного и Восточного Пакистана. 3 марта 1971 г. в Дакке состоялась встреча президента Пакистана Яхья Хана, Муджибура Рахмана и лидера Пакистанской народной партии, одержавшей на выборах победу в Западном Пакистане, Зульф리카ра Али Бхутто, однако переговоры не увенчались успехом. Военный режим ответил отказом на требование депутатов от Восточного Пакистана предоставить этой провинции региональную автономию.

В ночь с 25 на 26 марта 1971 г. армия Западного Пакистана вошла на территорию Восточной Бенгалии. Целью данной операции было подавление бенгальского сопротивления, в том числе физическое устранение бенгальских лидеров, призывавших к независимости.

26 марта 1971 г. считается официальной датой начала войны за независимость, которая завершилась в декабре этого же года отделением Восточной Бенгалии от Западного Пакистана и образованием независимого государства Бангладеш.

Эти события могут служить наглядным примером того, как способность этнической группы менять отношение к собственной этничности приводит к серьезным политическим, экономическим и культурным переменам. В данном случае благодаря смене главенствующих идентификационных признаков бенгальцам удалось сформировать собственное государство Бангладеш.

Если в середине XX в. акцент в самоидентификации бенгальцев делался на общей религии, то в 1971 г. – на значительных культурных и языковых особенностях, которые отличают бангладешцев от остальных жителей государства Пакистан.

Интересно также, насколько не умаляя ценности расовых, культурных и лингвистических признаков бенгальской этничности, отметить тот факт, что хотя Бангладеш отделился от Пакистана по национальному признаку, но на сегодняшний момент ислам по-прежнему остается главной государственной религией государства Бангладеш.

Данный пример подтверждает, что не существует четко зафиксированных признаков этничности или этнической самоидентификации. Некоторые из таких признаков вполне могут изменяться в зависимости от политической и экономической ситуации, терять или приобретать большую или меньшую важность в общей системе ценностей.

Глубина и сложность проблемы, связанной с раскрытием понятия “этничность”, могут быть еще более отчетливо выявлены на примере самоидентификации “британских бангладешцев”².

“Британскими бангладешцами” (British Bangladeshis) в Великобритании называют тех, кто сам иммигрировал в эту страну, или их потомков. Специфика ситуации, однако, такова, что восточные бенгальцы, приехавшие в Англию из единого государства Пакистан, идентифицировали себя после событий 1971 г. как “бангладешцы”.

Идеология существования особой бангладешской нации, отличной от пакистанской или западнобенгальской, лежит в основе политики этого молодого независимого государства (Котин 2003б: 81).

При этом отношение населения к собственной идентификации может меняться от идеи единой бенгальской нации до идеи принадлежности к остальному исламскому миру.

В данном исследовании особое внимание будет уделено именно представителям бангладешской общины – как первичным иммигрантам, так и их потомкам. Речь пойдет по большей части об иммигрантах из Восточной Бенгалии (с 1971 г. – Бангладеш), конкретно из округа Силхет, поскольку 98% из 500 тыс. бангладешцев, проживающих в Англии в настоящее время, прибыли из округа Силхет (Faruque 2006: 239). По сравнению с этой цифрой число иммигрантов из Западной Бенгалии относительно невелико (несколько тысяч) и не позволяет на данном этапе выделить их как самостоятельную группу³, а также говорить об особенностях отношений именно между иммигрантами из Восточной Бенгалии и Западной Бенгалии. Отношения между бенгальцами и бангладешцами в Англии могли быть стать темой для дальнейшего анализа, но только как один из аспектов отношений между индусами и мусульманами в целом и в Великобритании в частности. Кроме того, следует отметить и особенности расселения данных групп. Территориально большая часть бангладешцев и иммигрантов из Западной Бенгалии проживают в разных районах.

Индийцы селятся преимущественно в районах Эктон и Саутхолл округа Илинг на юго-западе Лондона (близ аэропорта Хитроу), а также в районах Хаунслоу, Харроу, Уимблдон, Баркинг, Саут Вудфорд (Котин 2003а: 112–113).

Бангладешцы довольно компактно поселились в окрестностях улицы Брик Лейн в районе Спиталфилдс округа Тауэр Хэмлетс. Эта улица уже получила в английской столице имя “Банглатаун” (Banglatown) – “Бенгальский город” – по аналогии с китайским Чайнатауном, расположенным в Западном Лондоне (Котин 2003б: 86).

Большинство бангладешцев, проживающих в настоящее время в районе Тауэр Хэмлетс в Восточном Лондоне, происходят из районов Балагандж, Джаганнатхпур, Гопалгандж и Беанибазар округа Силхет (*Eade* 1989: 36). Поскольку в основном члены бангладешской общины являются выходцами из округа Силхет, следует несколько подробнее остановиться на истории данного региона.

Округ Силхет отличается особой культурной идентичностью. Он расположен в северо-восточной части Бангладеш. Издревле здесь обрабатывали землю, занимались разведением фруктов, а позднее возделывали многочисленные чайные плантации (*Faruque* 2006: 109). Судьба округа Силхет, также как и самой Бенгалии, долгое время находилась во власти иностранных правителей.

В 1384 г. эта область была завоевана Хазрат Шах Джалалом и попала под власть мусульманского султаната. Преимущественно именно благодаря Хазрат Шах Джалалу и его сподвижникам в землях, принадлежащих в настоящее время округу Силхет, ислам получил такое широкое распространение. В 1622 г. власть в округе перешла к могольским правителям (*Gardner, Shukur* 1995: 144), а в 1765 г. – к Британской Ост-Индской компании.

Позднее, в период британского правления, в округе не раз поднимались восстания против английского владычества: мусульманское (1782), сипайское (1857), движение Нанкар (1922–1923) и др. (*Faruque* 2006: 114). В 1874 г. британские власти приняли решение отделить Силхет от Бенгалии и административно присоединить к штату Ассам. Только в 1947 г. округ Силхет снова стал частью Восточной Бенгалии.

Силхетские деревни не являются отдельными поселениями, а представляют собой разбросанные ячейки патрилинейно связанных хозяйств, не соединенных экономически, но имеющих общих предков и поддерживающих родственные связи. Когда такое домашнее хозяйство становится слишком большим, оно распадается. Несколько старших братьев или кузенов перебираются на другое место, как правило, неподалеку от предыдущего.

В Силхете существует множество деревень, которые образовались именно подобным образом и которые представляют собой “цепь” родственно связанных друг с другом хозяйств. Позднее именно эти “цепи” повлияли на характер миграции бенгальцев, и в частности силхетцев, в Великобританию.

Известно, что еще в XIX в. силхетцы служили в британском торговом флоте, и в начале XX в. в Англии их насчитывалось уже несколько десятков тысяч.

Первое поколение бенгальских иммигрантов составляли в основном выходцы из средних слоев общества, большинство из которых проживали на родине в округе Силхет – процветающей, но политически нестабильной области Восточной Бенгалии. В миграции их привлекла прежде всего возможность заработать и отослать домой деньги (*Summerfield* 1993: 84–86). Собираясь вернуться к своим семьям, первые иммигранты вкладывали заработанные средства в покупку земли на родине (*Gardner, Shukur* 1995: 147).

Первоначально у выходцев из округа Силхет и Восточной Бенгалии существовал так называемый миф о возвращении, поскольку многие из них прибывали в Англию на заработки, мечтая вернуться домой с достатком.

После 1948 г. Великобритания столкнулась с большим притоком мигрантов. Тогда был принят Акт о британском гражданстве (British Nationality Act), оформивший единое гражданство для метрополии и колоний с правом переселения и работы в Великобритании. Главными поставщиками иммигрантов были Индия и Пакистан, включавший тогда Восточную Бенгалию. Их “лидерство” сохранилось и до настоящего времени⁴.

Период с 1948 г. по 1961 г. характеризуется оформлением цепей миграции из Индии и Пакистана в Великобританию. Эта волна миграции в тот период еще не регули-

ровалась британскими властями, ибо осуществлялась в рамках старых колониальных связей между странами Британского Содружества и бывшей метрополией.

В 1971 г. после войны за независимость (26 марта – 3 декабря 1971 г.) из состава Пакистана выделилось независимое государство Бангладеш (ранее – Восточная Бенгалия). Это событие оказало значительное влияние на приток “первичных” иммигрантов-бангладешцев. Поскольку после 1971 г. ситуация в Бангладеш заметно ухудшилась как в экономическом, так и политическом плане, люди, которые уже иммигрировали в Британию, постепенно отказывались от мысли о возвращении на историческую родину.

С течением времени внутри бангладешского сообщества в Англии возникло чувство отчужденности от британского общества, связанное с социальными факторами: принижением положением в обществе, дискриминацией, трудностями хозяйственной и культурной адаптации. Кроме того, вновь прибывшим иммигрантам мешал языковой барьер, поэтому они либо учили язык, либо были вынуждены общаться только внутри своей общины.

Подобные настроения среди иммигрантов усиливались экономическим спадом и повышением уровня безработицы в Великобритании. Бангладешцы стали остро осознавать, что они не смогут заработать достаточно средств, чтобы снова осесть в Бангладеш и жить в роскоши (*Summerfield* 1993: 86). Поэтому, несмотря на то что бангладешцы продолжали отправлять денежные переводы на родину и покупали там землю, в 1970–1980-х гг. многие из них старались вывезти в Англию сначала своих сыновей, а затем и жен с дочерьми.

К середине 1980-х гг. в Англии насчитывалось уже 100 тыс. “британских бангладешцев” (*Gardner, Shukur* 1995: 150). С конца 1980-х гг. численность южноазиатской общины Великобритании увеличивается преимущественно за счет тех, кто был рожден в этой стране от индийцев, пакистанцев и бангладешцев (*Komin* 2003a: 84).

Иммиграция продолжилась и в 1990-е гг., несмотря на то что британским правительством был принят в 1988 г. (законодательно утвержден в июле 1989 г.) новый Акт об иммиграции (*Immigration Act*), отменивший право живущих в Англии мигрантов привозить в страну членов семей и близких родственников.

В 2006 г. в Великобритании проживали уже более 500 тыс. бангладешцев (*Faruque* 2006: 86).

Хотелось бы отметить, что в течение последних десятилетий существенно изменилось отношение “британских бангладешцев” к собственной самоидентификации. Как отмечалось ранее, этническая самоидентификация может меняться под воздействием тех или иных причин. Это можно наблюдать на примере нескольких поколений иммигрантов из Бангладеш, оставшихся в Великобритании на постоянное жительство.

Прежде всего, следует упомянуть о важных изменениях, которые произошли в мировоззрении молодого поколения – детей иммигрантов, рожденных уже в Англии. Если их родители могли с уверенностью назвать себя прежде всего бенгальцами (а с 1971 г. – бангладешцами), то в настоящее время дети бывших иммигрантов порой затрудняются с однозначным выбором. Сложность ситуации заключается в ответе на вопрос, выбрать ли для себя в качестве основного идентификационного признака религию, национальную культуру или британский образ жизни, и в зависимости от этого идентифицировать себя как мусульманин, бангладешец или британец.

Необходимо исследовать природу изменения самоидентификации “британских бангладешцев”, исходя из следующих аспектов: изменившегося отношения к Бангладеш, приспособленности к условиям жизни и обществу в Великобритании, личного обладания определенным общественным статусом, а также возраста и пола (*Gardner, Shukur* 1995: 158).

В то время как для первого поколения иммигрантов связь с родиной была вполне естественным явлением, то их потомкам, рожденным в Великобритании, ситуация

видится в несколько ином свете. Многие представители молодого поколения, родившиеся в Англии и воспитанные в условиях жизни среди носителей другой культуры, приезжая в Бангладеш, чтобы прикоснуться к истокам своей национальной культуры, испытывают настоящий шок. Это характерно как для юношей, так и для девушек. Молодые “британские бангладешцы”, в отличие от своих сверстников в Бангладеш, не знакомы с условиями сельского быта. Они бывают чаще предоставлены сами себе, а не вовлечены в цикл домашних и сельскохозяйственных дел. Дети иммигрантов, как правило, лучше образованы, чем их бангладешские сверстники, и более свободны в выборе друзей и увлечений.

Кроме того, в отличие от родителей, которые в свое время прибыли из сельской местности и поселились в городах, дети иммигрантов, приезжая в дома родственников в Бангладеш, часто впервые сталкиваются с реалиями крестьянского быта. Как это ни странно, именно такие поездки на родину заставляют детей бывших иммигрантов осознать, насколько они “британизированы”.

Благодаря рассказам родных и близких в сознании молодого поколения бенгальцев-мусульман возникает довольно четкий образ Бангладеш. Их также учат дома, “как быть бангладешцами”. Тем не менее, идеальный образ страны и конкретные реалии на практике часто совершенно не совпадают.

Первому поколению иммигрантов “миф о возвращении” давал некую иллюзию того, что миграция не вносит каких-либо особых изменений в их жизнь. Они ощущали себя в Великобритании лицами, лишь временно прибывшими в страну. Родиной их оставался Бангладеш. Это ощущение сохранялось вне зависимости от того, насколько благополучно им удавалось устроиться в Англии.

Дети иммигрантов столкнулись в Великобритании с другими реалиями. Несмотря на свою определенную “британизованность”, они чувствовали себя в британском обществе “нежеланными гостями”. Для представителей молодого поколения Бангладеш является той идеальной страной, где они могли бы ощущать себя полностью принятыми в общество.

Таким образом, в сознании детей иммигрантов Бангладеш предстает как “земля обетованная, красивая и мирная страна” (Там же: 158), где можно жить легко, честно и благополучно. Любопытно отметить, что в сознании тех, кто проживает в Бангладеш, миф о “благополучной стране” прямо противоположный – он относится к Англии.

Этот миф о “благополучном доме”, родине, куда можно вернуться, поддерживается в сознании молодого поколения благодаря рассказам родных, фотографиям и пр. Однако у многих из них представление о Бангладеш как об “идеальном доме” исчезает, как только они воочию сталкиваются с реалиями страны.

Бывает так, что дети иммигрантов лучше говорят по-английски, чем по-бенгальски, предпочитают носить европейскую, а не традиционную одежду и имеют совсем другие привычки и увлечения, чем их бенгальские сверстники.

“Британизованность” особенно заметна в поведении девушек, рожденных и воспитанных в Англии. Там им разрешается вести относительно “свободный” образ жизни: они учатся в смешанных школах, имеют друзей-англичан и даже ходят на вечеринки и дискотеки. Когда эти девушки приезжают в Бангладеш, они шокируют своих родственников тем, что не могут вести себя, “как положено” девушкам из традиционной мусульманской семьи. Понятие “скромного и благочестивого поведения” у коренных бангладешцев и их “британизированных” родственников не всегда совпадает, а чаще вызывает непонимание между ними.

Рожденные в Англии девушки из семей бангладешских иммигрантов все чаще настаивают на том, чтобы продолжать учебу после школы, иметь собственную, а не в семейном бизнесе работу, тратить заработанные деньги на себя и даже жить отдельно.

Конечно, родители все еще редко идут на подобные уступки. Однако следует признать, что в последнее время женщины и девушки из семей “британских бангладеш-

цев” все чаще имеют работу вне дома, и необязательно в бизнесе, которым управляют члены их семей (Там же: 160).

Кроме того, если девушка из семьи бангладешских иммигрантов выходит замуж за молодого человека, который, также как и она, родился и вырос в Англии, то обычно муж только приветствует желание жены иметь собственную работу (или, по крайней мере, не возражает).

Одна девушка из семьи бангладешских иммигрантов, рожденная в Великобритании, в ответ на вопрос о собственной идентификации сказала: «Я знаю много о культуре Бенгалии и своей религии. Мы все помним о своих корнях, но нет сомнения в том, что мы уже “британизировались”. Однако в конце дня мы ведь по-прежнему остаемся коричневыми?» (Там же: 160).

Это замечание очень важно для понимания того, что, столкнувшись в той или иной мере с проявлениями расизма, бангладешцы осознали: британское общество их не принимает как полноправных членов. Этот факт, однако, стимулировал бангладешскую общину объединиться и наравне с другими бороться за свои права. В этой борьбе особенно заметна роль молодого поколения, которое формирует собственные общественные организации, изучает британскую законодательную базу и стремится также заручиться поддержкой политиков.

Можно говорить о сохранении этнической идентичности в ряде поколений применительно к членам бангладешской общины, живущим в Великобритании. Однако следует также признать, что наиболее молодые “британские бангладешцы” находятся на распутье. Несмотря на то что большинство из них считают Бангладеш “своей исторической родиной” (во многом благодаря рассказам родных, а также деятельности различных организаций, направленной на сохранение родной культуры и языка), тем не менее, молодое поколение “британских бангладешцев” все чаще подчеркивает свою “британизованность” или обращается к религиозному аспекту своей идентичности (*Gardner, Shukur* 1995: 163).

Таким образом, акцентирование религиозного признака идентификации опять становится важным моментом во взаимоотношениях различных поколений мусульман южноазиатского происхождения в Великобритании (*Котин* 2008: 154).

Итак, налицо очередное смещение акцентов в процессе идентификации этнолингвистических групп в составе населения Великобритании. Отдельные аспекты этой темы привлекли внимание ученых как британского, так и азиатского происхождения. Хотелось бы отметить, что проблема самоидентификации бангладешцев, рассмотренная на данных примерах, оставляет открытыми еще множество путей для исследования.

Однако даже при поверхностном рассмотрении становится очевидным, насколько многообразны факторы, влияющие на то, как бангладешцы идентифицируют себя в конкретном обществе в тот или иной период. Молодое поколение “британских бангладешцев” осознает свою идентичность по отношению как к традиционной, так и к западноевропейской культуре. Специфика такой неоднозначной идентичности требует особого исследования.

Примечания

¹ По данным исследователей, население Западного Пакистана составляло в 1948 г. приблизительно 36 млн человек, а население Восточной Бенгалии в 1951 г. – около 45 млн человек.

² “Британские бангладешцы” (англ. *British Bangladeshis*) – общее название иммигрантов восточнобенгальского, а позднее бангладешского происхождения, которое указывается в работах большинства западных авторов. Существует также термин “британские бенгальцы” (*British Bengalis*), который чаще используется авторами-индусами.

³ На данном этапе исследования не было выявлено конкретных статистических данных, выделяющих западных бенгальцев как отдельную группу; они некоторым образом “смешиваются”

с остальными группами “южноазиатов”.

⁴ По данным британской статистики, в 2001 г. этнические меньшинства в составе британского населения составляли 7,9%, или приблизительно 4,6 млн человек. Среди них наиболее многочисленными группами являются индийцы (более 1 млн человек, или 1,8% населения Великобритании), пакистанцы (почти 750 тыс. человек, или 1,3%) и бангладешцы (280 тыс. человек, или 0,5%). По данным, приведенным в книге О. Фарука, в 2006 г. в Великобритании проживали более 500 тыс. бангладешцев. Существенная разница в данных статистики – 280 тыс. бангладешцев в 2001 г. и 500 тыс. в 2006 г. – может объясняться некоторой заниженностью первой цифры (где не учитывалась численность бангладешских иммигрантов-нелегалов) и округленным вторым значением (прим. автора).

Литература

- Афонасенко* 2007 – *Афонасенко Е.В.* Психология межэтнических взаимодействий. Благовещенск, 2007.
- Котин* 2003а – *Котин И.Ю.* Побег баньяна: Миграция населения из Индии и формирование “узлов” южно-азиатской диаспоры. СПб., 2003.
- Котин* 2003б – *Котин И.Ю.* Рождение Банглатауна в лондонском Ист-Энде // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 13. СПб., 2003.
- Котин* 2008 – *Котин И.Ю.* Ислам в Южной Азии и Великобритании. СПб., 2008.
- Соболева, Эпштейн* 2004 – *Соболева Е.С., Эпштейн М.З.* Роль российских музеев в формировании национальной идентичности // *Studia Culturae*. Вып. 7. СПб, 2004.
- Eade* 1989 – *Eade J.* The Politics of Community. The Bangladeshi Community in East London. Aldershot: Avebury, 1989.
- Faruque* 2006 – *Faruque O.* Bangladeshi expatriates in Britain. Dhaka, 2006.
- Gardner, Shukur* 1995 – *Gardner K., Shukur A.* I’m Bengali, I’m Asian, and I’m living here. The changing identity of British Bengalis // R. Ballard (ed.), *Desh Pradesh. The South Asian Presence in Britain*, London: Hurst and Company, 1995.
- Macdonald* 1993 – *Macdonald Sh.* Identity Complexes in Western Europe: Social Anthropological Perspectives // *Inside European Identities. Ethnography in Western Europe / Sh. Macdonald (ed.)*. Providence (USA), 1993.
- Madan* 1998 – *Madan T.N.* Coping with ethnicity in South Asia: Bangladesh, Punjab and Kashmir compared // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 21. N. 5. Sept. 1998.
- Summerfield* 1993 – *Summerfield H.* Patterns of Adaptation: Somali and Bangladeshi Women in Britain // *Migrant Women. Crossing Boundaries and Changing Identities / Ed. by Gina Buijs. Cross-Cultural Perspectives on Women*. Vol. 7. Providence (USA), 1993. P. 84–86.
- West Pakistan 1947–1958 [Электронный ресурс] // *World History at KMLA* [сайт]. URL: <http://www.zum.de/whkmla/region/india/wpak19471958.html> (дата обращения: 01.02.2011).

O. N. Merenkova. The “British Bangladeshi” in Search of Identity

Keywords: ethnicity, identification, Bengali, Bangladeshi, Bangladesh, migration, immigrants, ethnic relations, Great Britain

Even before the formation of the independent state of Bangladesh in 1971, its residents identified themselves either as “Muslims living in Bengal” or as “Muslim Bengalis”. In 1940 the accent on the religious factor of identity brought the East Bengalis together with the rest of Muslims of India and led to the formation of the independent state of Pakistan. In 1971 the national factor of Bengal identity played the major part in the separation of the independent state of Bangladesh from Pakistan. This article, drawing on the case of the Bangladeshi community in the Great Britain, presents a study of the ways in which the perception of their own identity by the Bengali, and later by the Bangladeshi, was changing through different historical periods.